

после премьеры

С В О Е Л И Ц О

Пожалуй, в наше время лишь балетное искусство находится в зависимости от человеческой памяти. Как правило, балет забывается вскоре после того, как он сходит со сцены. Такая судьба уготована даже спектаклям, поставленным недавно. Что же говорить о произведениях, созданных полвека или век и более тому назад!

С этой точки зрения новая программа государственного концертного ансамбля СССР «Московский классический балет» представляет особый интерес — в нее вошли забытые или редко исполняющиеся произведения мирового балетного репертуара. Создать такое представление удалось лишь потому, что руководители коллектива Наталия Касаткина и Владимир Васильев сумели найти человека, который сохранил в своей памяти многие шедевры хореографии.

Евгений Сумбатович Качаров — человек, одержимый искусством. Его знания в области классического наследия поистине феноменальны. Выступая долгое время на сцене Большого театра Союза ССР, он сам многое видел и исполнял, многое ему передали товарищи по искусству, в частности Екатерина Васильевна Гальцер, с которой Качарову выпала честь танцевать. А те-

перь имя Евгения Сумбатовича мы читаем в программе концерта «Московского классического балета», где им создано почти целое отделение, названное «Из фондов мировой классики». Препятствия миниатюры реставрированы мастерски, авторский текст прочитан Качаровым и танцовщиками ансамбля бережно, с большим уважением к лексике и стилю.

«Узоры индусского ожерелья» (музыка Л. Делиба) — решение Михайлом Фокиным в том же ключе, что и его «Поповские пляски» — ему присущ тот же декоративный ориентализм, где напористая воинственность мужской пляски подбавливает пленительную натуру женской. Костюмы М. Соколовой оттеняют своеобразную красоту этого индийского трио (Рубин — В. Касаткина; Жемчужина — Е. Кибулевская; Алмаз — П. Коргодский).

Па-де-де из балета «Сатанилла» (музыка Ц. Пуни) Мариуса Петипа поражает разнообразием психологических нюансов и богатством танцевального языка. Жаль, что исполнители (Н. Стывро и И. Мухамедов) еще не раскрывают всех оттенков настроений, заложенных в этом лукавом танцевальном диалоге.

Па-де-де из «Сильфиды»

(музыка М. Шнейгхоффера) Филиппо Тальони словно возвращает нас в эпоху романтического балета. А. Сердюк тонко чувствует его стилистику — танцу «е Сильфиды» свойственны легкость, воздушность, порывистость.

Завершается первое отделение большим классическим ансамблем — композицией «Мгновение с Гайдой» на музыку финала его Концерта для фортепиано с оркестром (ремажор). Ярость балетмейстерской мысли, слиянность хореографического и музыкального образа заставляют предположить, что, наверное, несправедливо считать создателя номера Карла Флисса лишь великодушным педагогом, не создавая ему должное как хореографу.

Второе отделение начинается «Мимолетностями» С. Прокофьева. Эти создания Касьяна Голейзовского, осуществленные коллективом несколько лет назад, вошли в сокровищницу хореографии. Ныне их возобновила с артистами «Московского классического балета» Вера Васильева — ассистент Касьяна Ярославовича. Исполнители, среди которых хочется выделить Н. Данилову, безусловно, владеют присущей Голейзовскому изысканностью и «текучестью» пластического рисунка. Этот прекрас-

ный «венчик танцев» как бы является связующим звеном между хореографией века минувшего и нынешнего. Она представлена в программе фрагментом из «Тщетной предосторожности» Л. Герольда, талантливо и остроумно поставленной Олегом Виноградовым. В этой жанровой сценке соревнуются кавалеры, кокетничают дамы, торжествуют свою победу Колен (Ф. Гильфанов) и Лиза (Н. Осипян). Но мне думается, что роль озорницы не в характере дарования артистки.

А теперь о фрагменте из второго акта «Лебединого озера», которым открывалась программа концерта. Мне представляется тактической редакция, созданная Касаткиной и Васильевым: не переделывая композицию танцев кордебалета на малый состав участников, что, несомненно, нарушило бы гениальную постановку Льва Иванова, балетмейстеры группируют исполнительниц квартета и трио лебедей в различных, наиболее характерных «лебединых» позах, создавая аккомпанемент дуэту Одетты (В. Тимашева) и Принца (В. Храпов).

И еще одна премьера «Московского классического балета» — Касаткина и Васильев создали новую редакцию своей постановки «Сотворения мира» Андрея Петрова, ранее

осуществленной ими в Ленинградском театре оперы и балета имени Кирова. Спектакль стал камернее, неизменной осталась связь с образами французского художника Ж. Эффеля и философско-ироническая трактовка библейской легенды, в которую постановщики внесли существенные коррективы, утверждая, что судьба человека всегда зависела от него самого. Еще большее значение приобрели сольные партии. Роли Евы и Адама нашли отличных исполнителей в лице А. Сердюк и С. Исаева. Забавная модернизация — пластики Чертовки и Черта выразительно передана Н. Осипян и С. Станюков. Главные изменения касаются второй части спектакля: убедительнее решена сцена испытаний, подстерегающих Еву и Адама за пределами рая. В этой редакции многожанровой, великолепной партитуры Андрея Петрова (увлеченно сыгранной оркестром под управлением — Михаила Венка) мощно звучит тема человеческого братства.

Итак, новые работы «Московского классического балета» позволяют утверждать, что творческие поиски художественных руководителей ансамбля Касаткиной и Васильева наметились достаточно четко — работа над камерными спектаклями и подготовка концертных программ, выстроенных по тематическому принципу.

Н. ШЕРЕМЕТЬЕВСКАЯ,
кандидат искусствоведения.